

Предметное выявление процессов, тщательно проанализированных в книге на материалах 1881—1905 гг., имеет методологическое, общесоциологическое звучание. Оно помогает глубже понять то, что произошло со страной в последнем десятилетии многострадального XX в., а могло и не случиться, если бы власть и общество усвоили одинаково поучительные для них уроки социально-политического краха Российской империи. «Верхи» осознали бы тот непреложный факт, что нельзя «сверх меры» спекулировать на теряющей свою привлекательность традиции и излишне уповать на прочность социальной инерции, а «низы» и их радикальные лидеры помнили бы о катастрофических последствиях бездумного разрушения того, что можно было ещё преобразовать. Запоздавшее прозрение одного из последних советских лидеров, заявившего о том, что «мы не знаем общества, в котором живём», было вполне созвучно происходившему на рубеже XIX—XX вв., когда царизм также стремился «направлять» развитие народа, не желая видеть, как менялись его жизнь и социальный облик на самом деле.

Новаторская монография К.А. Соловьёва вносит существенный вклад в современную историографию истории предреволюционной и революционной России.

Евгений Крестьянников: «Кабинетная» история и бюрократическая опасность*
Evgenii Krestiannikov (Tyumen State University, Russia): «Cabinet» history and bureaucratic danger

DOI: 10.31857/S086956870016245-0

Книга К.А. Соловьёва, главным героем которой стал высший отряд российской бюрократии, — незаурядное историографическое явление. Её автор, признавая, что о чиновничестве уже «много написано и отечественными, и зарубежными исследователями» (с. 105), отдаёт должное достижениям предшественников (с. 13—16), но предлагает взглянуть на жизнь петербургских кабинетов сквозь призму «политической повседневности» (с. 9—12). Воспоминания, дневники, эпистолярное наследие, разного рода записки — как опубликованные, так и обнаруженные в хранилищах архивов, музеев и библиотек, позволили тщательно изучить процедуры и режимы службы столичных сановников, высших учреждений и их канцелярий.

Российский истеблишмент предстаёт перед читателем в мелочах и казусах бюрократической рутины. Политика и состояние государства прослеживаются по передвижению по инстанциям «бумаг», инициированных в коридорах власти и становящихся, в случае отсутствия непреодолимых препятствий, законами, качество которых зависело как от воли высокопоставленных персон, так и от множества наглядно демонстрируемых в книге обстоятельств: волокиты текущего делопроизводства, исправности межведомственной коммуникации, степени отлаженности административных механизмов и приёмов, тонкостей управленческих традиций, умения того или иного администратора разбираться в хитросплетениях чиновничьих связей и угождать начальству, его личных интересов и пристрастий, а также многого другого.

При этом сколько-нибудь единый алгоритм принятия правовых норм отсутствовал, сохранявшаяся законодательная процедура являлась «неудовлетво-

* Статья подготовлена при поддержке Тюменской обл. и РФФИ, проект № 20-49-720019.

рительной» (с. 205), а «институциональная организация власти была такой, что она предусматривала сразу несколько альтернативных путей законотворчества» (с. 243). Бюрократический порядок ведения дел, не исключавший влияния случайностей и «во многом непредсказуемого баланса сил», как минимум дважды сравнивается автором с хаотичным броуновским движением. Ведь если даже «у каждого из участников законотворческого процесса была своя цель», то «у системы в целом — нет» (с. 244, 342—343).

Укоренившиеся формы и способы разработки законов обладали настолько могучей силой, что царь, высшие сановники и правительственные учреждения играли по отношению к ним подчинённую роль. Сам император, возглавляя сверхцентрализованное и постоянно нуждавшееся в санкциях верховной власти государство, находился во власти огромной машины делопроизводства. Николай II жаловался на перегрузки, вызванные бесконечным чтением документов (с. 82), и пытался сократить количество бумаг, поступавших к нему на рассмотрение (с. 78). Неудивительно, что важнейшие государственные меры готовились и принимались бюрократией в соответствии с её вкусами и предпочтениями (с. 99, 114), она «вершила судьбы страны» и «оставалась главным героем на политической сцене России» (с. 105).

В начале XX в. современники видели в бюрократии «самостоятельный общественный класс, развивавшийся согласно со всей совокупностью условий социальной жизни»⁵. Соловьёв признаёт в этом «управленческом классе» нечто отдельное от остального общества, в своём высшем звене наделённое качествами «корпоративного единства, аполитичного профессионализма, административной фантазии и самоуверенности квалифицированного юриста» (с. 340). Тем не менее имперская власть отнюдь не была монолитна, иногда наоборот, отношения столичных чиновников и учреждений строились на основе бескомпромиссных противоречий, трений и даже вражды между министрами и министерствами (с. 181, 226—230, 343). В постоянном конфликте с ними оказывался Государственный совет (с. 165). В итоге автор констатирует, что в России не существовало правительства «в полном смысле этого слова» (с. 271).

Из высших государственных учреждений, пожалуй, лишь Сенат, наполненный высококвалифицированными, добросовестными и деловитыми служащими, соответствовал решению возложенных на него задач и потребностям общества (с. 240—243). Стоявший над ним в иерархии власти Государственный совет, напротив, характеризуется автором как «далеко не всегда бывший на высоте своего положения». Хотя там и заседали обладатели «необходимого опыта и знаний», большинство из которых поступило на службу ещё при Николае I (к началу XX в. таковых насчитывалось 52 из 89), некоторые из них из-за преклонного возраста и слабого здоровья уже не могли полноценно трудиться (с. 139—149). Комитет министров Соловьёв называет «безвластным правительством», а министерскую организацию — «централизованной анархией». Впрочем, именно министерства он считает главными звеньями в политической системе Российской империи, а их руководителей — «ключевыми фигурами на “бюрократическом олимпе”» (с. 205).

В целом, петербургский государственный аппарат представлен в книге закостенелым, парализованным канцелярскими процедурами, «не цельным механизмом, а совокупностью не во всём согласованных деталей» (с. 343), ино-

⁵ *Ивановский В.В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // *Русская мысль*. 1903. № 8. С. 10.

гда находившим внутренний консенсус и «усовершенствовавшим» себя такими способами, как создание временных комиссий или постоянных комитетов и советов из представителей разных ведомств (с. 232—238). Потенциал собственного обновления, а равно и улучшения порядков в стране у властной верхушки был незначителен. Большая «Реформа», предусматривавшая «демонтаж правившего режима» (с. 341), казалась в тех условиях невероятной, реальные новации происходили лишь в «узком коридоре возможностей» и осуществлялись «“украдкой”, в надежде, что их не заметят, не оценят как действительно полномасштабные преобразования» (с. 67).

Такой, по выражению автора, «конспиративный» путь реформирования сочетался с распространёнными в правительственных сферах установками, требовавшими от «настоящей реформы» широкой программы, системности и масштабности. Но следование данному требованию едва ли приносило положительные плоды. Об этом наглядно свидетельствовала, в частности, судьба Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под председательством министра юстиции Н.В. Муравьёва, пытавшейся изменить российское правосудие, придерживаясь планомерности и системности. Пять лет её работы (в книге ошибочно говорится про 1894—1904 гг., но она была официально закрыта в 1899 г.) и около 500 заседаний окончились для страны и судов фактически безрезультатно. Между тем казна потратила на них примерно 100 тыс. руб. (с. 59—60).

Соловьёв достаточно чётко даёт понять, что правящая верхушка существовала в России в своём собственном довольно специфическом и обособленном пространстве. Неудивительно, что «высшая бюрократия весьма приблизительно представляла население страны, его хозяйственную жизнь», а «жёсткая бюрократическая форма создавала видимость всеобщего порядка, скрывая при этом содержание социальных процессов, о которых можно было только догадываться» (с. 333). Реформаторы рубежа XIX—XX вв. плохо знали страну (с. 64), каналы связи с её населением были слабо налажены и отличались неэффективностью. Готовя важные решения, в столице нередко опирались на искажённую информацию губернаторских отчётов, лишь иногда приглашали к обсуждению проектов экспертов и прислушивались к прессе исключительно определённого направления (наиболее влиятельны, согласно монографии, были «Московские ведомости» и «Гражданин» (с. 283—293)).

Не менее заметный разрыв существовал между петербургскими и провинциальными администраторами даже наиболее высокого ранга. В министерствах зачастую не догадывались об их мнениях и чаяниях. К примеру, когда на заседании «муравьёвской» комиссии специально приглашённых старших председателей и прокуроров судебных палат спросили об успешности работы присяжных заседателей, те подавляющим большинством (18 из 20) признали, «что по деятельности своей этот суд не только является вполне удовлетворяющим своей цели, но и вообще представляет собою лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьёзных дел»⁶. Едва ли Муравьёв и его подчинённые, критически относившиеся к институту «общественной совести», ожидали услышать столь однозначный ответ. Как ни

⁶ Цит. по: *Кони А.Ф.* Вступительное и заключительное сообщения о суде присяжных и о суде с сословными представителями при руководстве совещанием старших председателей и прокуроров судебных палат 29—31 декабря 1894 г. // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 4. С. 47—48.

странно, министр, ещё недавно сам принадлежавший к судейской корпорации, явно недооценивал степень её профессиональной солидарности.

Описанная Соловьёвым управленческая система плохо улавливала сигналы, исходившие от империи, которая «находилась в сложных отношениях с петербургским миром канцелярий» (с. 340). Поэтому, к примеру, активизация политики по отношению к азиатским окраинам страны таила в себе непредсказуемость и немалые угрозы. Именно в освещаемый в книге период в правительственных сферах стали проявлять небывалый ранее интерес к Сибири, связывая с ней будущее экономическое процветание России⁷. Тогда же в Петербурге приступили к включению Средней Азии в «общеимперскую систему координат» и сближению её административного устройства с внутренними губерниями⁸. Одновременно в конце XIX в. в данных регионах вводились Судебные уставы 1864 г., и в коридорах Министерства юстиции, начиная с его главы, бурно и пагубно для дела разыгралась бюрократическая фантазия. Смутно осознавая реалии Азиатской России, но считая её подходящей для экспериментов, чиновники задумали внедрить там особую «окраинную» модель правосудия, изначально обречённую на провал. Возможно, наиболее яркой и неудачной её чертой стало «изобретение» должности мирового судьи со следовательскими полномочиями. Его критиковали, пожалуй, все юристы, кроме зависевших непосредственно от министра или находившихся под его влиянием. Но только после того, как в 1905 г. Муравьёв покинул свой пост, в самом министерстве данный институт признали откровенно негодным, а председатели Ташкентской, Омской и Иркутской судебных палат в один голос заявили о том, что деятельность судей-следователей приносит ощутимый вред⁹.

Конечно, власть и общество, включая оппозицию, объединяли бесконечные нити родственных и дружеских связей, иные сановники вынашивали конституционные замыслы, заигрывали с общественностью и земцами, а некоторые из них и сами избирались в земские гласные (с. 296—320). Однако этого вскоре оказалось уже недостаточно, поскольку, по мнению современников, государственный организм был настолько подвержен «бюрократической опасности», что для его выздоровления требовалось внедрение широких политических свобод и самоуправления¹⁰.

Монография Соловьёва, отмечая нарастание дисгармонии между управлявшими и управляемыми, явно и неявно подводит читателя к мысли о неотвратимости революционных потрясений: «Россия вступила в острую фазу политического кризиса, когда любой шаг — вперёд или назад, влево или вправо, или даже просто стояние на месте — предопределял его эскалацию» (с. 320). При этом бюрократия становилась заложницей подобного развития отношений государства и общества. А то, что чиновники «в значительной своей части были не готовы отстаивать правящий режим» (с. 331), свидетельствовало

⁷ Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. Омск, 1997. С. 158.

⁸ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 5; Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. С. 629.

⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 894, л. 14—14 об., 38; Государственный архив Иркутской области, ф. 246, оп. 9, д. 1, л. 6.

¹⁰ См., например: Тотомиани В. Бюрократическая опасность // Мир Божий. 1905. № 5. С. 177—185.

о бесперспективности царизма¹¹. Так или иначе, исследование К.А. Соловьёва показало, что «кабинетная» история не только увлекательна, но и открывает перед историками новые рубежи.

Михаил Волхонский: Законотворчество в Российской империи: статичные структуры или динамичный процесс?

Mikhail Volkhonsky (Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)): Lawmaking in the Russian Empire: static structures or a dynamic process?

DOI: 10.31857/S086956870016237-1

В книге К.А. Соловьёва поставлены масштабные задачи. В центре внимания автора оказались «характерные черты законотворческого процесса», «важнейшие черты политического режима», «большие циклы политического развития: особенности политической системы, политического поведения, политической культуры» в Российской империи конца XIX — начала XX в. Исследуются они в рамках «новой политической истории», изучающей не акты государственной власти, а её структурные и культурные особенности, а также «политическую повседневность» (с. 10).

В целом нельзя не согласиться с тем, что «реальные практики законотворчества и администрирования в полной мере не описывались делопроизводственными материалами», а для того чтобы «искажённая картина политической жизни» была «выпрямлена», необходимо учитывать «алгоритмы политического поведения». Однако взаимодополняющий анализ делопроизводственных материалов и источников личного происхождения, которые в основном и дают информацию о «политической повседневности», не является каким-то открытием, задолго до того, как появилась «новая политическая история», им успешно пользовались в своих работах П.А. Зайончковский, Л.Г. Захарова, В.Г. Чернуха и многие другие отечественные учёные.

Гораздо более спорно утверждение автора о том, что при характеристике «политической системы» основное внимание надо уделять институтам, а не людям (хотя сам Соловьёв много говорит о влиянии личностных черт различных сановников на деятельность тех учреждений, с которыми они были связаны). Ещё труднее согласиться с парадоксальными и априорными заявлениями, будто носителями подлинной власти выступают обыватели, которые определяют, что есть норма (какая именно: социальная, правовая, политическая?), будто власть это не решение, а процедура (возможно, и то и другое одновременно?), и т.п.

Сомнительно и то, что «политическая повседневность разворачивается в пространстве, а не во времени», поскольку её устойчивые структуры меняются очень медленно. Всё же не стоит преувеличивать их стабильность, ведь сам автор неоднократно пишет о том, как они менялись под влиянием, например, смены главы того или иного учреждения. Конечно, изучение подобных струк-

¹¹ Это перекликается с давно сформулированной на Западе концепцией «двойной поляризации», подразумевающей, что падению самодержавия в равной мере способствовали как конфликт между пролетариатом и классом собственников, так и рост напряжённости между привилегированными слоями общества, откуда рекрутировалась бюрократия, и собственно царизмом. См.: *Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 (Part One) // Slavic Review. 1964. Vol. 23. № 4. P. 619—642; Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 (Part Two) // Slavic Review. 1965. Vol. 24. № 1. P. 1—22.*